

ОТЗЫВ

о диссертации Ружицкого Игоря Васильевича «Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка

Диссертация И.В. Ружицкого – безусловно, неординарное явление в ряду подобных научных сочинений. Читая ее, получаешь не только интеллектуальное, но и эстетическое удовольствие: настолько логично и точно, а также личностно ярко и аргументативно представлена авторская концепция исследования, в самом изложении которой высвечивается личность ученого-лексикографа.

Пафос данной работы состоит в развитии, углублении и верификации идеи, согласно которой языковая личность (в данном случае личность писателя) явлена в ее текстовой деятельности и соответственно может быть реконструирована по совокупности этих текстов (причем не только художественных, но и публицистических и эпистолярных). Создание словаря языка писателя – необходимое звено такой реконструкции.

Эта задача (сама по себе очень непростая, так как Ф.М. Достоевский – один из самых неоднозначно «прочитываемых» классиков) осложняется необходимостью выработки такого лексикографического «инструментария», который бы не просто фиксировал, а представлял совокупность параметров языка автора как идиостилевые характеристики. И в диссертации И.В. Ружицкого система лексикографического описания не только получает глубокое теоретическое и методологическое обоснование, но воплощается в конкретных словарных комментариях (совокупности данных, определенным образом структурированных и классифицированных) – соотносительных с выделенными аспектами характеристики языковой личности писателя.

Актуальность данного исследования, помимо того, на что указывает сам автор диссертации (необходимость разработки и углубления теории языковой личности и ее лексикографического представления, исследование языка писателя в свете «взаимодействия» с языком эпохи), определяется, с нашей точки зрения, еще и привлечением к анализу психолингвистических методик выявления и текстовой актуализации идиоглосс.

Взяв за основу трехуровневую модель языковой личности Ю.Н. Караулова, в структуре которой выделяются вербальный, когнитивный (концептуальный) и прагматический компоненты, автор диссертации реализует эту модель в словарном представлении, интерпретируя каждый из вводимых в словарную статью блоков информации как некую ипостась идиостиля Ф.М. Достоевского. Сформированный диссертантом идиоглоссарий (слова, характеризующие особенности авторского идиостиля), тезаурус (идеографическое распределение идиоглосс) и полифункциональный континуум эстетически нагруженных средств, трансли-

рующих писательский эйдос, в совокупности позволяют реконструировать языковую личность писателя.

Операциональность предложенных методик и процедур анализа текстового материала и обоснование принципов выделения и словарного описания идиоглосс как метода изучения языковой личности определяют **новизну** данного исследования. Новаторский подход к созданию словаря писателя – это интерпретационная составляющая, которая определяет выборку и классификацию материала, показательного для характеристики языковой личности Достоевского: выявляются разновекторные идиоглоссы, маркирующие в ХТ образ автора как языковую личность определенной культуры, с определенным типом художественного мышления, ценностными установками, наконец, носителя языка своего времени.

Теоретическая значимость исследования связана с обоснованием концепции создания словаря писателя как метода реконструкции языковой личности, введением системы параметров, релевантных для описания идиостиля писателя в свете семантической, когнитивной и мотивационной составляющих его текстовой деятельности.

Интерпретационный момент пронизывает все шаги, которые предпринимает диссертант в обосновании собственной концепции словарного представления языка писателя как отражения его идиостиля, и не только обладает большой объяснительной силой, но задает перспективу такого анализа.

Центральным (базовым) в исследовании И.В. Ружицкого является понятие *идиоглоссы*. Этот термин представляется нам очень удачным, поскольку, подобно термину *изоглосса* (известному в лингвистической географии), очерчивающему область распространения какого-л. языкового явления, показывает индивидуальные особенности функционирования лексической единицы в языке писателя – ее семантический, концептуальный, мотивационный векторы, представленные разными параметрами описания в словарной статье. Показательны в этом отношении выявляемые **зоны** функционирования идиоглоссы. Каждая из этих зон несет свою информацию не только об идиостиле писателя, но и о соотношении его языка с языком нормативным.

Опираясь на теоретические исследования В.В. Виноградова, касающиеся литературной нормы и ее преднамеренного нарушения художником слова, И.В. Ружицкий выстраивает перспективу исследования как анализ текстовых презентаций языковой личности Достоевского, «обусловленных субъективными мотивациями автора художественного произведения». Словарь писателя органично соединяет в себе эти ипостаси личности, неизбежно отражая заложенный в языке креативный ресурс и идиостилевое своеобразие тезауруса художника – при этом литературоведческая и лингвистическая составляющие анализа текстовой деятельности писателя не противоречат друг другу.

Практическая значимость данного диссертационного исследования очевидна: она определяется прежде всего герменевтической направленностью представленного словарного проекта, цель которого – облегчить понимание текстов Достоевского современному читателю, причем не только в плане разъяснения атопонов («неясных» для носителей языка другой эпохи слов и значений), но и в плане совокупного представления констант идиостиля Достоевского как художника-креатора, произведения которого требуют «считывания» авторской рефлексии над словом. Особо отметим значимость предложенной интерпретации идиоглосс как исходной доказательной базы для филологического анализа текстов Достоевского.

Прокомментируем наиболее важные положения работы, касающиеся ее теоретических посылок и принципов лексикографического описания материала как базы для реконструкции языковой личности Ф.М. Достоевского.

В первых двух главах обосновывается концепция многопараметрового словаря языка писателя, включающего аспекты, релевантные для характеристики его языковой личности. В основу этой концепции положен постулат Ю.Н. Караулова относительно структуры языковой личности, отражающей три уровня языкового знака – структурно-семантический, тезаурусный (когнитивный) и прагматический.

В трактовке понятия *идиостиль* автор диссертации придерживается мнения, согласно которому сущность этого феномена определяет лишь то, что наиболее характерно (специфично) для дискурсивных практик языковой личности (прежде всего в сфере художественной речи – с учетом ее жанровой специфики, а также публицистики и эпистолярия).

Нельзя не отметить тщательно прописанную в работе процедурную технику выделения идиоглосс и особенностей их функционирования в произведениях Достоевского, а также взаимодополнительность предложенных параметров словарного описания идиоглосс. При составлении идиоглоссария для словаря писателя И.В. Ружицкий следует принципу выделения ключевых слов с учетом их значимости в выражении авторской идеи. При этом важная роль отводится экспертной оценке и пилотажному опросу как показаниям языкового сознания адресата (читательской рефлексии). Статус идиоглоссы «присваивается» слову с учетом его нахождения в сильной позиции текста (названии произведения или какой-то его части), функционирования в составе афористического высказывания, употребления в игровом контексте, стилистической маркированности и частоты встречаемости в разных жанрах в разные периоды творчества писателя.

Самостоятельную методологическую значимость представляет собой сама процедура исчисления и описания идиоглосс с учетом их ассоциативных связей в текстовом пространстве. При этом составитель словаря, как на это указывает И.В. Ружицкий, в известной степени погружается в зону читательской рефлексии, становится в позицию адресата. Но, по сути,

выстраивается ассоциативное поле идиоглоссы, смоделированное самим автором-писателем (по принципу стимул-реакция), только выборка ассоциатов идиоглоссы должна быть извлечена из текстов. Ассоциативные поля ХТ – в свете реализации авторской индивидуальности в воплощении художественного замысла – вполне объективный показатель субъективного начала в творчестве писателя. Методы психолингвистического анализа все более вторгаются и в сферу интерпретации ХТ, и в сферу лексикографии. В данной работе И.В. Ружицкий транспонирует методику проведения массового САЭ на текстовое пространство, показывая соотношение общеязыковых и индивидуальных векторов ассоциативного мышления Достоевского как воплощение его художественной картины мира. Разработанная параметризация разных ассоциативных характеристик идиоглоссы представлена в словарной статье. Анализ гипотаксиса и паратаксиса (сочетаемости на уровне подчинительной и сочинительной текстовых связей идиоглоссы), а также дистантных ассоциативных связей выступает инструментом описания семантического и функционального своеобразия соответствующей идиоглоссы как текстовой проекции языковой личности писателя.

Самой высокой оценки заслуживает третья глава диссертации «Идиоглоссарий, тезаурус, эйдос в структуре языковой личности Ф.М. Достоевского», в которой представлен анализ ключевых слов, маркирующих особенности концептосферы писателя, его мировоззренческие установки, оценки и ценности (жизнь, время человек и т.п.), и слова, выступающие «визитной карточкой» его уникального художественного почерка (*делишки, дурь, вдруг* и др.)

С учетом ассоциативно-семантического контекста, сочинительных и подчинительных текстовых связей, эпидигматических сближений, прецедентной актуализации и т.п. описываются смысловые нюансы и символика ключевых идиоглосс в произведениях писателя (например, *общечеловеческий – всечеловеческий, общечеловек – всечеловек, общечеловеческое – всечеловеческое, вдруг, баня, ад, Америка* и т.п.). Показательно в этом плане выдвинутое И.В. Ружицким предположение о тезаурусообразующей функции идиоглоссы *вдруг*, в котором воплощена важная для Достоевского идея «случайности и неподчиненности поступка и мысли объективным причинно-следственным законам» (с. 21 АДД).

Рефлексивное языковое мышление Ф.М. Достоевского, как это показано в диссертации, ярко проявляется в автонимном употреблении слова, которое благодаря этому получает статус идиоглоссы. Этот параметр словарной статьи фиксирует контексты, содержащие метаязыковой комментарий: рассуждения писателя о значении общеупотребительного слова или собственного новообразования. Безусловно, такое внимание к слову служит для Достоевского и способом общения с читателем, и формой экспликации концептуального содержания идиоглоссы. И.В. Ружицким очень хорошо представлены индикаторы авторской рефлексии над словом (способы его графического выделения и толкования). Вместе с тем приве-

денный контекстуальный материал, иллюстрирующий данный параметр авторского идиостиля, как нам кажется, дает возможность для более развернутого комментария. Может быть, имеет смысл в словарном представлении идиоглосс этого типа выделить не только сигналы автонимности, но и конкретные функции автокомментария: объяснение смысла авторских окказионализмов (например, *стушеваться*), жаргонизмов (*дерзнуть* – «ударить»), ситуативного значения общеизвестного слова (*арестант* – «человек без воли»); функции концептуализации (например, «честь – это долг»), оценочной (например, иронической) дискредитации (*вуйки* – девицы, которые до тридцати почти лет отвечают вам: *вуй да нон*), выведения оснований метафоры (*пьяное письмо*), эвфемизации (эти функции прослеживаются в приведенных иллюстрациях) и др. Высказанное соображение не носит критического характера, а, скорее, свидетельствует об интерпретационном потенциале предложенной автором концепции словарного описания для анализа языковой личности Достоевского.

Закономерным (логически оправданным) шагом в исследовании особенностей идиостиля Достоевского представляется обращение диссертанта к идеографической классификации его лексикона. И.В. Ружицким выдвинута оригинальная идея группировки выделенных идиоглосс вокруг архетипических (ядерных для эйдоса писателя) смыслов. Дополнение полученных групп словами, состоящими с базовыми идиоглоссами в ассоциативно-семантических связях, позволило выявить характерные черты символизации действительности в индивидуальной художественной картине мира Достоевского. Отмечается, в частности, корреляция между конкретностью семантики и символическими проекциями слова (личные имена, топонимы, числа, «вещественные» и «предметные» номинации, цветообозначения у Достоевского символически нагружены). Представленная в диссертации типология слов-символов включает в себя, помимо материальных (вещественных, предметных), ситуативные символы, или символы фреймы; чувственно-образные (тропеические) символы; символы-гиперболы и событийные символы. Эти группы коррелируют с более общим делением символов Достоевского на общекультурные, коллективные и индивидуально-авторские. Реконструированный авторский тезаурус (в интерпретации И.В. Ружицкого) сконцентрирован вокруг ядерной идиограммы ЧЕЛОВЕК, концептуальное содержание которой связано с такими смыслами, как *жизнь – время – болезнь – страх – смех*. Составление тезаурусной сетки выполнено по четко прописанному в работе операциональному алгоритму (см. АДД, с. 28-29).

Роль этой классификации определяется ее репрезентативностью для изучения ментального пространства произведений Достоевского не только в лингвистическом, но в и более широком – филологическом – контексте.

Направленность диссертационного исследования И.В. Ружицкого, как уже отмечалось, имеет не только ярко выраженную интерпретационную, но и герменевтическую составляющие. В этом отношении особую ценность приобретает анализ тех черт художественного идиостиля писателя, которые, с одной стороны, «транслируют» особенности литературного языка его эпохи, с другой стороны, показывают черты Достоевского-креатора. Словарное представление (истолкование) атопонов – единиц языка писателя, которые могут быть непонятны современному читателю, фактов нестандартного употребления слова (нарушений грамматической и лексико-семантической сочетаемости), авторской афористики, анализ словообразовательной техники (например, образования сложных слов – гапаксов), функции тропов и языковой игры – все это в совокупности можно рассматривать как самостоятельный исследовательский дискурс в рамках представленного проекта.

В целом отдавая должное проведенной автором диссертации скрупулезной работе с очень большим объемом материала, в порядке дискуссии выскажем некоторые соображения, касающиеся частных моментов интерпретации материала, требующих, возможно, более расширенного комментария:

1. Вопрос о статусе афоризмов. Все ли нетривиальные высказывания в авторской речи и речи персонажей следует относить к афоризмам – притом, что одни из них приобретают прецедентный статус вне сферы своего первичного употребления (в текстах Достоевского), а другие функционируют только на текстовом уровне? Ср.: *Ревность – страсть непрости- тельная, мало того: даже – несчастье* («Чужая жена и муж под кроватью»). Есть ли разница в том, используются Достоевским (пусть и в переработанном виде) уже существующие в афористическом фонде единицы или создаются новые? Ср.: *Бедность не порок, это истина*. <...> *Нищета – порок* (Мармеладов – Раскольникову).

Каковы критерии присвоения высказыванию статуса афоризма (с точки зрения его современного употребления – с опознанием авторства Достоевского или анонимного существования фразы из произведения писателя как крылатого выражения)?

В герменевтическом плане многие афоризмы Достоевского (обоих типов) требуют расшифровки (комментария): они нередко выступают либо как агнонимы-когнемы (ср. отмечаемую диссертантом десакрализацию исходного выражения *мир спасет красота* – при восприятии вне контекста романа «Идиот»), либо как ситуативные корреляты известных цитат. В этой связи интересно было бы посмотреть, как афористические единицы из дискурса Достоевского функционируют в сознании наших современников: в том же самом, что и у Достоевского, или в усеченном, адаптированном, трансформированном виде. Это к вопросу о влиянии личности писателя на литературный язык.

Какова задача совокупного словарного представления такого материала (учитывается ли здесь прикладная задача – дать полное представление об афористике в текстах Достоевского в свете ее идиостилевой семантической специфики + современное употребление – при сужении или расширении значения, забвении исконного смысла и переосмыслении)?

2. Выскажем некоторые полемические соображения, касающиеся трактовки диссертантом природы и функций языковой игры.

Под игровым употреблением слова, по определению диссертанта, подразумевается допущенное автором сознательное отклонение от языковой нормы середины – второй половины XIX века, отдельные требования которой сохранились и в современном литературном языке, а также использование в одном контексте разных значений одного слова или разных слов (словосочетаний), сходных по звучанию.

Согласно этому определению, в зону языковой игры попадают, по сути, только случаи каламбура. Но спектр форм языковой игры и ее функционал у Достоевского, судя по приведённому в диссертации материалу, гораздо шире. Языковая игра не есть только намеренное отклонение от нормы – в смысле нарушения кодифицированных правил. Это часто эксплуатация некоей тенденции, вариативности нежестких языковых моделей, это нарушение автоматизма порождения, восприятия и употребления знака, эксплуатация его ассоциативного потенциала в плане новых возможностей интерпретации. Игровая составляющая языка Достоевского имеет более широкий спектр, чем примеры, отмеченные в зоне словарного комментария с пометой ИГР. В частности игровая интенция автора ХТ может проявляться в использовании особого стилистического регистра при передаче особенностей чужой речи (и в этом случае вряд ли можно говорить о нарушении нормы). Ср., например, рассмотрение звательной формы слова *ад* (*аде*) в зоне нарушений морфологической нормы применительно к следующему фрагменту речи одного из персонажей романа «Братья Карамазовы» (*И сказал тогда аду господь: «Не стони, аде, ибо придут к тебе отселева всякие вельможи...»* - БрК 372) или передачу ломаной речи иностранки, изъясняющейся на русском языке (см. ПН 78); в зону игровой актуализации попадают и тропы, и ироническое употребление слова, отличие которого от случаев языковой игры усматривается автором диссертации почему-то только в наличии комического эффекта (с чем трудно согласиться, учитывая, что языковая игра также может создавать комический эффект, а вот ирония – далеко не всегда). Из представленного иллюстративного материала и его комментария становится очевидным, что единицы разных зон описания идиоглоссы могут получать игровую актуализацию. Каков же тогда критерий предпочтительного выбора зоны игрового употребления слова?

В качестве основной функции языковой игры у Достоевского выделяется *познавательная*, выступающая как разновидность рефлексии над языком, открывающая «не выразимые

нормативным языком смыслы». Выделяя данную функцию, автор диссертации особо подчеркивает, что языковая игра не ограничивается только комическим эффектом. Безусловно, это так, хотя именно комический эффект наиболее очевиден и конгруэнтен эстетической природе ЯИ в определенных сферах ее функционирования (ср. смеховой эффект карнавализации в народной культуре). Трудно согласиться с другим: во-первых, с тем, что всем без исключения предшествующим исследователям языковой игры приписывается позиция отождествления данного феномена с игрой слов, каламбуром; утверждается, что языковая игра – намеренное отклонение от нормы с целью пошутить (но это лишь одно из определений, предложенное Е.А. Земской применительно к таким формам языковой игры, как балагурство и острословие); во-вторых, даже те ученые, которые действительно исследуют языковую игру в основном как форму каламбура (В.З. Санников), вовсе не ограничивают ее функцию только комическим эффектом (ср., например, выделяемую тем же Санниковым языкотворческую функцию языковой игры). Применительно к сфере ХТ нами (Т.Г.) выделены аллюзивный, имитативный, образно-эвристический принципы языковой игры, которые предполагают реализацию таких ее функций, как углубление читательской рефлексии над содержанием текста, создание разного рода импликатур, и в фокусе внимания при этом оказываются реализация взаимодействия участников коммуникативного акта – потенциала игрока (*homo ludens*), действующего в поле языковых возможностей, и адресата, способного к декодированию нестандартного кода общения. Эта позиция весьма близка к тому, о чем пишет И.В. Ружицкий, характеризуя Достоевского как писателя-креатора, загадывающего загадки своему читателю; в-третьих, языковая игра и в том числе комический ее эффект не противопоставлены познавательной деятельности. Игровой эффект без осознания «знаковых» свойств имитируемого объекта-прототипа не может быть достигнут, и высвечивание (пусть и в парадоксальной, комической форме) сущности объекта тоже есть акт познания.

3. Разработанная автором специальная многошаговая процедура отбора идиоглосс включала в себя в частности коллективное прочтение текстов Достоевского с установкой выделить слова, характеризующие авторский стиль (т. е. своего рода метод экспертных оценок), а также апробацию идиоглосс путем пилотажного опроса. В связи с этим возникают вопросы: Кто выступал в качестве экспертов? Какие тексты прочитывались? Какова статистическая составляющая данного метода? Кто участвовал в пилотажном опросе? Как задавалась инструкция?

4. Учитывая многоаспектность параметров идиостиля Достоевского, представленных в работе, хотелось бы, чтобы автор диссертации в качестве итогового обобщения представил совокупный «портрет» языковой личности писателя.

Заданные вопросы и уточнения не носят принципиального характера и вызваны сложностью и многоаспектностью разрабатываемой проблематики. Проведенный анализ позволяет утверждать, что диссертация И.В. Ружицкого представляет собой самостоятельное, оригинальное, теоретически и практически значимое исследование, обладающее большим эвристическим потенциалом, и в полной мере соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842). Автор диссертационного исследования на тему «Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление» Ружицкий Игорь Васильевич заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор

Т.А. Гридина

24.09.2015

Гридина Татьяна Александровна
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, оф. 281
Телефон (8343) 23577664

Адрес электронной почты: tatyana_gridina@mail.ru

Место работы: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»,
зав. кафедрой общего языкознания и русского языка

